Дата поступления рукописи в редакцию: 20.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 18.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-57-65

ДЕМИДОВ Андрей Николаевич,
аспирант 3 курса Российской государственная академии интеллектуальной собственности, Москва, Россия
e-mail: andre2000andre@mail.ru

КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ ПРИЗНАКИ САМОЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. *В цифровой среде принятие решения о защитном воздействии и его непосредственное техническое исполнение могут принадлежать разным лицам либо быть разнесены во времени посредством автоматизированной системы, что осложняет квалификацию соответствующего поведения как самозащиты авторского права. Цель исследования состоит в установлении юридически значимых признаков самозащиты и условий сохранения такой квалификации при несовпадении лица, принимающего защитное решение, и фактического исполнителя. Используются формально-догматический, сравнительно-доктринальный, системный и функциональный подходы. Обосновывается, что самозащита предполагает совокупность трёх признаков: наличие юридического основания самостоятельно осуществлять защиту соответствующей правовой позиции, достаточно определённое одностороннее решение о защитном воздействии и непосредственное формирование этим воздействием защитного результата. Физическое несовпадение управомоченного лица и исполнителя само по себе не исключает самозащиты, однако при внешнем исполнении необходимы положительное правовое основание его юридического отнесения к управомоченному лицу и отсутствие самостоятельного решения исполнителя по существу защитного воздействия. Предложенное разграничение позволяет квалифицировать автоматизированное исполнение и отличать его от самостоятельного инфраструктурного реагирования цифровой платформы.*

Ключевые слова: *самозащита гражданских прав; авторское право; защита авторских прав; защитное решение; защитное воздействие; опосредованное исполнение; автоматизированное исполнение; информационный посредник; цифровая платформа.*

DEMIDOV Andrey Nikolaevich,
2nd year postgraduate, Russian State Academy of Intellectual Property Moscow, Russia

QUALIFYING CRITERIA FOR COPYRIGHT SELF-HELP ON THE INTERNET

Annotation. *Digital enforcement may separate the formation of a protective decision from its technical implementation: the relevant functions can be performed by different persons or divided in time through an automated system. This raises the question of when such conduct can still be legally attributed to the right holder as copyright self-help. The article identifies the qualifying criteria for self-help and examines their operation where the person making the protective decision does not physically perform the ensuing technical action. The analysis combines doctrinal, systemic and functional approaches. It is argued that copyright self-help requires three cumulative elements: a legal basis entitling a person to protect the relevant legal position independently; a sufficiently definite unilateral decision on the protective action; and the direct production of a protective result by that action. Physical identity between the entitled person and the immediate executor is not indispensable. Where execution is entrusted to another person, however, there must be a positive legal basis for attributing that execution to the entitled person, while the executor must not make an independent substantive decision concerning the grounds, addressee, type or scope of the protective action. The proposed approach also clarifies the distinction between automated execution of a pre-defined decision and an independent response by an information intermediary or digital platform.*

Key words: *self-help; copyright; copyright enforcement; protective decision; legal attribution; third-party execution; automated execution; information intermediary; digital platform.*

Самозащита прямо названа в статье 12 ГК РФ среди способов защиты гражданских прав, а статья 14 ГК РФ допускает её осуществление в пределах, соразмерных нарушению и необходимых для его пресечения. Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 также исходит из возможности лица, право которого нарушено, самостоятельно осуществлять его защиту [1]. Вместе с тем применительно к авторским правам в сети Интернет указание на самостоятельность защитного поведения не разрешает вопрос о квалификации значительной части фактически существующих способов реагирования. В цифровой среде обнаружение нарушения, определение необходимого воздействия и непосредственное создание технического результата могут быть разделены между правообладателем, его представителем или работником, внешним исполнителем, цифровой платформой и автоматизированной системой. Поэтому одинаково проблематичны как требование обязательного личного технического выполнения правообладателем каждой операции, так и противоположная квалификация всякого ограничения, наступившего после его обращения, в качестве его самозащиты. Возникает вопрос о том, при каких юридически значимых условиях защитное воздействие, фактически осуществляемое иным лицом либо автоматизированной системой, сохраняет качество самозащиты авторского права и где проходит граница между исполнением решения управомоченного лица и самостоятельным решением другого участника.

В цивилистике эта проблема осложняется неоднородностью представлений о содержании самозащиты. Наиболее строгая модель связывает её прежде всего с фактическими действиями самого управомоченного лица. О. Д. Сатаров, исследуя современное состояние института, подчёркивает преимущественно фактический характер действий при самозащите и их непосредственную связь с противодействием посягательству. В авторско-правовом контексте близкую границу проводит В. Л. Михайликов, отделяя фактическую самозащиту от юридических мер оперативного воздействия, характерных прежде всего для обязательственных отношений Федорова [2]. Такой подход имеет существенное достоинство: самозащита не растворяется во всей совокупности односторонних внесудебных действий. Однако из фактического характера воздействия ещё не следует необходимость физического совпадения носителя защищаемой правовой позиции с лицом, выполняющим каждую техническую операцию.

Более широкие конструкции допускают включение в содержание самозащиты не только фактических, но и юридически значимых односторонних действий. Соответствующие подходы представлены, в частности, в работах С. В. Лавровой и Д. Е. Феоктистова; Д. Н. Латыпов рассматривает самозащиту в более широкой системе неюрисдикционного осуществления защиты [3]. Для цифровой среды достоинство подобных концепций заключается в отказе от зависимости правовой квалификации от материальной формы воздействия. Вместе с тем одной внесудебности и одностороннего характера поведения недостаточно: иначе в область самозащиты могут одновременно попасть обращение к нарушителю, оперативная мера в договорном отношении, предварительная техническая охрана и собственное решение владельца цифровой инфраструктуры. Эта проблема заметна и в современной специальной литературе по интеллектуальным правам. Т. Т. Алиев обоснованно разграничивает самозащиту и меры оперативного воздействия, связывая первую преимущественно с абсолютными правами, но среди рассматриваемых форм самостоятельного реагирования называет неоднородные по юридической функции действия – от технических ограничений до уведомлений и блокирования контента [4]. Их общая направленность на защиту интеллектуального права ещё не показывает, чьим решением формируется конкретный защитный результат.

Преодоление противопоставления узкой фактической и более широкой юридико-фактической моделей требует не замены одного критерия другим, а установления совокупности юридически значимых признаков. Представляется, что квалификация действия как самозащиты авторского права предполагает, во-первых, наличие у лица юридического основания самостоятельно осуществлять защиту соответствующей правовой позиции; во-вторых, достаточно определённое одностороннее решение о защитном воздействии; в-третьих, непосредственное формирование этим воздействием защитного результата. Первый признак выражает необходимую связь между защищаемой правовой позицией, действующим лицом и предоставленной правом возможностью самостоятельно осуществлять её защиту. Для исключительного права такая связь следует из общих положений статей 1229, 1250 и 1252 ГК РФ, однако круг возможных юридических оснований самостоятельной защиты ими не исчерпывается [5]. Само наличие интереса в прекраще-

нии нарушения либо фактическая способность воздействовать на цифровой ресурс такого основания не заменяют.

Непосредственное формирование защитного результата, в свою очередь, позволяет отделить самозащиту от действий, которые лишь подготавливают или инициируют последующее реагирование. Связь статьи 14 ГК РФ с действиями, необходимыми для пресечения нарушения, согласуется с доктринальным пониманием самозащиты как непосредственного противодействия посягательству. Функционально этим она отличается, например, от самоохраны, ориентированной преимущественно на предупреждение нарушения, а также от доказательственной фиксации или уведомления, ближайший результат которых состоит соответственно в сохранении сведений либо в инициировании последующего поведения другого лица [6]. Поэтому направление правообладателем требования об удалении произведения само по себе не становится непосредственным пресечением: если материал удаляет адресат после самостоятельного решения исполнить требование, именно его последующее поведение создаёт фактический пресекательный результат.

Наиболее существенное значение для цифровой среды имеет второй признак – достаточно определённое одностороннее решение о защитном воздействии. Его необходимо отличать от общего намерения защищать принадлежащие лицу права, абстрактной политики реагирования на нарушения и предварительной технической настройки. Решение приобретает квалификационное значение постольку, поскольку в необходимой для соответствующей ситуации степени определяет условия применения воздействия и характер последующей реакции. В зависимости от используемого средства это может предполагать определение принципа установления адресата, вида воздействия, условий его запуска и пределов реакции. Речь при этом не идёт о введении особой разновидности сделки или нового гражданско-правового института: решение характеризует юридическую принадлежность выбора конкретного защитного воздействия.

Достаточная определённость такого решения не предполагает обязательного нового волеизъявления после каждого отдельного случая нарушения. В цифровой среде практически значима ситуация, когда лицо заранее формулирует условное решение, связывающее определённое событие с заранее установленной реакцией. Юридически значимым здесь является различие между общей профилактической настройкой и решением, достаточно конкретизирующим последующее воздействие. Само программирование системы или введение общего технического режима ещё не образует самозащиту. Защитное значение возникает при актуализации предусмотренного воздействия в связи с конкретизированным посягательством и непосредственном формировании соответствующего результата. Иначе технические средства, постоянно ограничивающие возможность неправомерного использования произведения, пришлось бы признавать самозащитой независимо от наличия какого-либо посягательства, что смешивало бы охранительную и защитную функции.

Выделение достаточно определённого решения позволяет иначе поставить вопрос о «собственном» характере самозащиты. Самостоятельность поведения управомоченного лица и физическая личность исполнителя характеризуют разные аспекты защитного воздействия. Гражданское право в принципе допускает несовпадение лица, в правовой сфере которого формируются последствия действия, и лица, непосредственно совершающего соответствующие операции. Институт представительства является здесь не специальной моделью самозащиты, а системным подтверждением такой возможности. П. А. Гришин допускает осуществление самозащиты управомоченным лицом либо его представителем. В Определении Верховного Суда РФ от 27 февраля 2017 г. № 309-ЭС16-21250 по делу № А60-47032/2015 не была отвергнута квалификация действий представителя правообладателя, осуществлявшего видеозапись при приобретении спорного товара, как действий в целях самозащиты [7]. Значение этого примера ограничено конкретной фабулой, связанной преимущественно с доказательственной фиксацией, поэтому он не устанавливает общего правила о передаче представителю права самостоятельно определять пресекательное воздействие.

Ещё очевиднее невозможность универсального требования личного физического исполнения проявляется применительно к юридическому лицу. Согласно статье 53 ГК РФ юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя обязанности через свои органы. Исследование И. П. Политовой показывает сложность формирования и выражения воли организации посредством поведения физических лиц, включённых в её структуру [8]. Поэтому необходимо различать формирование решения самой организации и выполнение уже принятого решения. Если орган или иное внутренне компетентное лицо в пределах предоставленных полномочий определяет содержание защитного воздействия, такое решение может составлять процесс формирования решения самого юридического лица, а не самостоятельное решение внешнего субъекта. Иное имеет место, когда уже принятое решение лишь

технически реализуется работником или другим внутренним исполнителем. Физическое различие между лицом, сформировавшим волю организации, и лицом, выполнившим отдельную операцию, в таком случае не означает появления второго самостоятельного защитного решения.

Однако из сказанного не следует, что совершение операции любым третьим лицом может быть автоматически приписано правообладателю. При внешнем исполнении одного отсутствия самостоятельного усмотрения исполнителя недостаточно. Необходимо положительное правовое основание, позволяющее юридически связать исполнение с решением управомоченного лица. В разных случаях такая связь может следовать из полномочия, организационных или трудовых отношений, договора либо иного допускаемого гражданским правом основания. Фактическая подконтрольность или возможность дать техническую команду сами по себе не объясняют, почему результат деятельности другого субъекта должен юридически рассматриваться как исполнение решения лица, осуществляющего самозащиту. Статьи 402–403 ГК РФ, регулирующие исполнение обязательства третьим лицом и ответственность должника за действия привлечённых им лиц, имеют здесь только системно-аналогическое значение: они подтверждают принципиальную известность гражданскому праву разделения физического исполнения и его юридического отнесения, но не устанавливают специального основания осуществления самозащиты абсолютного авторского права через внешнего подрядчика [9].

Для определения границы внешнего исполнения необходимо также различать исполнительское и материально-правовое усмотрение. Исполнительское усмотрение относится к способу реализации уже определённого воздействия. Исполнитель может выбирать технический инструмент, последовательность операций, маршрут исполнения, момент совершения действия внутри заданного временного интервала или проверять формальные технические реквизиты. Такие решения отвечают преимущественно на вопрос о том, как выполнить уже заданное воздействие, не изменяя его юридического содержания.

Иная ситуация возникает, если внешний субъект самостоятельно устанавливает наличие нарушения по существу, оценивает правомерность спорного использования и применимость исключений, определяет адресата воздействия, решает, следует ли применять ограничение, либо самостоятельно избирает его вид и объём. В этих случаях он отвечает уже не на вопрос о техническом способе исполнения, а определяет какое защитное воздействие должно быть осуществлено. Тем самым формируется новое содержательное решение другого лица. Предлагаемое разграничение не следует понимать как закрытый легальный перечень: речь идёт об аналитическом критерии, позволяющем определить, остаётся ли деятельность третьего лица исполнением достаточно определённого решения управомоченного лица либо приобретает качество самостоятельного защитного или инфраструктурного реагирования. Именно в этой точке физическая самостоятельность исполнителя отделяется от юридической самостоятельности защитного решения.

Такой подход применим и к автоматизированному исполнению. Использование программы само по себе не устраняет первоначального человеческого или организационного решения и одновременно не позволяет без дополнительного анализа приписать конкретный результат пользователю системы. Исследования цифрового волеизъявления и смарт-контрактов показывают принципиальную разделимость предварительно сформированной воли и последующего программного исполнения. Е. Е. Фролова и А. М. Берман отмечают, что при автоматизированном исполнении компьютерная программа реализует заранее определённый порядок операций без необходимости нового волеизъявления стороны в момент исполнения; аналогичную разделимость первоначального волеизъявления и последующего автоматического исполнения исследует Е. В. Зайнутдинова [10]. В современной литературе А. В. Свецкий также рассматривает смарт-контракт как технологическую форму реализации предварительно выраженной воли сторон, подчёркивая различие между формированием воли и автоматизмом последующего исполнения [11]. Эти конструкции относятся прежде всего к обязательственному праву, поэтому не являются непосредственным нормативным основанием автоматизированной самозащиты авторских прав. Они важны в более узком смысле – как подтверждение того, что разнесение во времени формирования решения и его программной реализации само по себе не разрушает юридической связи между ними.

Такое понимание согласуется и с пунктом 2 статьи 309 ГК РФ, допускающим автоматическое исполнение обязательства при наступлении определённых обстоятельств без отдельно выраженного дополнительного волеизъявления сторон. Эта норма также используется только как системная аналогия. Статья 1299 ГК РФ, в свою очередь, подтверждает существование специальной категории технических средств защиты авторских прав, однако наличие технического средства не предрешает квалификацию конкретного реактивного воздействия, осуществляемого с его помощью, как самозащиты [12]. Значение имеет не тех-

ническая форма операции, а то, какое решение она реализует и какой результат непосредственно создаёт.

Показательной моделью для проверки этого вывода служит система Content ID. А. С. Вартанов описывает механизм, при котором правообладатели предоставляют платформе эталонный контент, система автоматически выявляет совпадения, а последующая реакция зависит от заранее выбранной правообладателем политики. Официальные материалы YouTube также предусматривают, что Content ID автоматически сопоставляет загружаемый материал с предоставленными правообладателями файлами, а при обнаружении совпадения к видео в зависимости от настроек правообладателя может применяться блокирование, монетизация либо отслеживание [13]. Такая модель демонстрирует техническую возможность отделить предварительное определение реакции от её последующего программного выполнения.

Вместе с тем Content ID не следует квалифицировать как самозащиту в целом. Платформа устанавливает архитектуру системы, перечень доступных реакций, критерии использования инструмента и процедуры оспаривания, а конкретное применение политики может зависеть от совокупности технических правил. Пример подтверждает лишь более узкий тезис: отсутствие нового человеческого действия в момент автоматического запуска не исключает юридической связи результата с ранее сформированным достаточно определённым решением. Напротив, если система получает возможность самостоятельно формировать содержательные критерии, оценивать допустимость использования или определять необходимый объём ограничения на основании обстоятельств, не охваченных первоначальным решением, вопрос о юридической принадлежности конкретного воздействия требует отдельной квалификации.

Последняя граница приобретает особую актуальность при использовании адаптивных алгоритмов. Исследование WIPO 2026 г., посвящённое применению искусственного интеллекта для противодействия нарушениям авторских прав, указывает одновременно на возможности автоматизированного мониторинга и удаления и на сложности содержательной оценки допустимого использования, исключений и ложноположительных результатов; отдельно подчёркивается значение человеческого контроля при автоматизированных ограничениях [14]. Эти обстоятельства не дают основания формировать специальную российскую гражданско-правовую конструкцию «решения алгоритма». Напротив, они показывают предел вывода о детерминированном исполнении: чем больше конкретное воздействие зависит от новой содержательной оценки обстоятельств после первоначальной настройки, тем меньше оснований объяснять его исключительно ранее сформированным решением пользователя системы.

Противоположную проверочную ситуацию образует собственное реагирование цифровой платформы после обращения правообладателя. Статья 1253.1 ГК РФ придаёт поведению информационного посредника после получения заявления самостоятельное юридическое значение, а пункты 77–78 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 требуют определять его положение с учётом фактически осуществляемой деятельности [15]. Поэтому последовательность «обращение правообладателя – последующее ограничение контента» не позволяет сама по себе считать ограничение действием правообладателя. Между ними могут находиться проверка обращения, оценка обстоятельств и самостоятельное решение инфраструктурного участника.

Функциональный характер этой оценки прослеживается и в судебной практике. В Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 декабря 2020 г. № 5-КГ20-96-К2 по делу № 3-400/2019 обращено внимание на необходимость исследовать фактический характер деятельности владельца интернет-ресурса, порядок использования сайта, круг лиц, способных размещать материалы, инициатора их размещения и степень участия владельца ресурса [16]. Судебный акт непосредственно не разрешает вопрос о самозащите, но подтверждает недопустимость квалификации поведения владельца цифровой инфраструктуры исключительно по его формальному статусу либо по факту получения обращения. Аналогичный функциональный подход используется А. В. Старковым при анализе участия владельцев сайтов, агрегаторов и платформ в отношениях по поводу интеллектуальных прав [17].

Особенно наглядно самостоятельность инфраструктурной функции проявляется в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июня 2026 г. № 39-П. Применительно к рассмотренной модели маркетплейса Конституционный Суд предусмотрел проверку представленных правообладателем сведений, запрос у продавца доказательств легального использования соответствующего объекта и, при наличии установленных условий, временное приостановление размещения информации о товаре на период, необходимый правообладателю для обращения за судебной защитой. При этом владелец маркетплейса не принимает окончательного решения о материально-правовом споре, а устанавливает наличие

признаков нарушения в пределах определённой Судом процедуры [18]. Само Постановление вступило в силу немедленно после провозглашения; вместе с тем конституционно-правовое истолкование пунктов 1 и 3 статьи 1253.1 ГК РФ, содержащееся в пункте 1 его резолютивной части, за исключением пересмотра судебных актов по делу заявителя, подлежит общему применению с 16 сентября 2026 г. Поэтому до указанной даты новая модель не может характеризоваться как уже получившая сложившееся последующее правоприменение. Современная литература справедливо связывает Постановление № 39-П с повышением стандарта осмотрительности маркетплейса и конкретизацией его собственного поведения после получения достаточно обоснованного обращения [19].

Для рассматриваемой проблемы существенно не то, является ли такое платформенное решение свободным или в значительной степени нормативно предопределённым. Даже достаточно детально установленная законом обязанность инфраструктурного участника не превращает его действие в действие правообладателя, если юридическое основание его поведения и возложенная на него проверочная функция принадлежат самому участнику инфраструктуры. Инициатива правообладателя в такой ситуации запускает процедуру, но не поглощает последующее решение. Поэтому внешне одинаковое ограничение доступа может иметь различную правовую природу: в одном случае оно технически воспроизводит достаточно определённое решение управомоченного лица, в другом – является результатом собственной оценки и решения платформы.

Предложенная конструкция наиболее осторожного применения требует применительно к внешнему техническому подрядчику. В исследованном российском материале отсутствуют специальная норма и достаточная судебная практика, непосредственно устанавливающие условия осуществления самозащиты авторского права посредством такого исполнителя. Поэтому нельзя формулировать общее правило о «делегировании» самозащиты. Вместе с тем физическое участие внешнего лица не должно исключать соответствующую квалификацию автоматически. Если существует положительное гражданско-правовое основание юридического отнесения исполнения к управомоченному лицу, само защитное воздействие достаточно определено этим лицом, а исполнитель не принимает нового решения по существу основания, адресата, вида или объёма воздействия, такое участие потенциально совместимо с сохранением самозащитного характера поведения. Вывод остаётся условным и требует проверки применительно к конкретному правовому основанию и фактическому распределению функций.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие взаимосвязанные выводы. Во-первых, квалификация самозащиты авторского права в сети Интернет предполагает совокупность трёх юридически значимых признаков: наличие у лица юридического основания самостоятельно осуществлять защиту соответствующей правовой позиции, достаточно определённое одностороннее решение о защитном воздействии и непосредственное формирование этим воздействием защитного результата. Ни внесудебность, ни фактическая форма операции, ни инициатива правообладателя по отдельности такой квалификации не обеспечивают.

Во-вторых, собственный характер самозащиты не требует универсального физического совпадения управомоченного лица и непосредственного исполнителя. При их несовпадении юридическая принадлежность достаточно определённого решения раскрывает содержание второго квалификационного признака, а при внешнем исполнении дополнительно необходимо установить положительное правовое основание его юридического отнесения к управомоченному лицу. Отсутствие самостоятельности исполнителя является необходимой отрицательной характеристикой, но само по себе такого основания не заменяет.

В-третьих, при разграничении исполнения и самостоятельного решения следует учитывать характер усмотрения другого лица. Выбор технического способа реализации уже заданного воздействия не равнозначен самостоятельному определению содержания защиты. Установление нарушения по существу, выбор адресата, решение о применении воздействия, его виде или объёме свидетельствуют о формировании нового содержательного решения и требуют самостоятельной квалификации поведения соответствующего субъекта.

В-четвёртых, эта конструкция позволяет единообразно оценивать противоположные цифровые ситуации. Детерминированное программное выполнение заранее достаточно определённого условного решения потенциально совместимо с самозащитой после актуализации воздействия в связи с конкретизированным посягательством. Напротив, собственная содержательная проверка и решение цифровой платформы не становятся самозащитой правообладателя только потому, что соответствующая процедура была инициирована его обращением. Следовательно, самостоятельность самозащиты авторского права в цифровой среде должна пониматься прежде всего как юридическая принадлежность защит-

ного решения и непосредственно формируемого им результата, а не как обязательность личного технического совершения каждой операции.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. Ст. 12, 14; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8. П. 10.

[2] Сатаров О. Д. Самозащита в гражданском праве: вид гражданско-правовой возможности и объект защиты // Актуальные проблемы российского права. 2026. Т. 21. № 4 (185). С. 71–81. DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.071-081; Михайликов В. Л. Формы защиты авторских прав // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2010. № 2 (73). Вып. 11. С. 136–140.

[3] Лаврова С. В. О формах защиты и самозащиты гражданских прав // Юридическая наука. 2017. № 6. С. 114–118; Феоктистов Д. Е. О правовой природе самозащиты гражданских прав // Право и государство: теория и практика. 2022. № 11 (215). С. 156–158; Латыпов Д. Н. Система способов защиты гражданских прав в Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук: 5.1.3. Пермь, 2022.

[4] Алиев Т. Т. К вопросу о самозащите и иных способах неюрисдикционной защиты интеллектуальных прав // IP: Теория и практика. 2025. № 3 (11). С. 64–72.

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496. Ст. 1229, 1250, 1252.

[6] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. Ст. 14; Сатаров О. Д. Самозащита в гражданском праве: вид гражданско-правовой возможности и объект защиты // Актуальные проблемы российского права. 2026. Т. 21. № 4 (185). С. 72–74; Гришин П. А. Самозащита и самоохрана гражданских прав и законных (охраняемых законом) интересов: разграничение охранительных институтов отечественного права // Юридические исследования. 2018. № 6. С. 35–37.

[7] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. Ст. 182; Гришин П. А. Самозащита и самоохрана гражданских прав и законных (охраняемых законом) интересов: разграничение охранительных институтов отечественного права // Юридические исследования. 2018. № 6. С. 36; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2017 г. № 309-ЭС16-21250 по делу № А60-47032/2015.

[8] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. Ст. 53; Политова И. П. Воля и волеизъявление: монография. М.: Проспект, 2016. С. 77–91.

[9] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. Ст. 402–403.

[10] Фролова Е. Е., Берман А. М. Способы волеизъявления сторон в условиях цифровой трансформации: актуальные тренды правоприменения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 3. С. 57–83. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.3.57.83; Зайнутдинова Е. В. Модели правового регулирования смарт-контракта: общее и особенное // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 126–147. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.3.126.147..

[11] Свецкий А. В. Автономия воли в эпоху алгоритмов на примере смарт-контрактов // Политика и Общество. 2026. № 1. С. 80–91. DOI: 10.7256/2454-0684.2026.1.78891..

[12] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. Ст. 309, п. 2; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496. Ст. 1299.

[13] Вартанов А. С. Защита авторских прав на формат онлайн-шоу // Труды по интеллектуальной собственности. 2024. Т. 49. № 2. С. 109–117. DOI: 10.17323/tis.2024.21719; YouTube Help. How Content ID works [Электронный ресурс]. URL: https://support.google.com/youtube/answer/2797370?hl=en (дата обращения: 26 августа 2026 г.).

[14] Martin S. Artificial Intelligence Tools for Dealing with Copyright Piracy: Technological, Legal and Policy Dimensions. WIPO/ACE/18/35. Geneva, 2026. P. 18, 21–22.

[15] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Россий-

ской Федерации. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496. Ст. 1253.1; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 7. П. 77–78.

[16] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2020 г. № 5-КГ20-96-К2 по делу № 3-400/2019.

[17] Старков А. В. Гражданско-правовая охрана пресс-публикаций при их онлайн-использовании новостными агрегаторами: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.3. Пермь, 2024.

[18] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2026 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Мир Хобби”». П. 5.2–5.3; резолютивная часть, п. 1, 4–5.

[19] Федорова П. С. Маркетплейс как информационный посредник: повышенный стандарт осмотрительности в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 16.06.2026 г. № 39-П // Право и политика. 2026. № 7. С. 181–198. DOI: 10.7256/2454-0706.2026.7.81141..

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301. Art. 12, 14; Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 "On the application by the courts of certain provisions of section I of part one of the Civil Code of the Russian Federation "// Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 8. P. 10.

[2] Satarov O. D. Self-defense in civil law: type of civil opportunity and object of protection // Actual problems of Russian law. 2026. VOL. 21. № 4 (185). S. 71-81. DOI: 10.17803/1994-1471.2026.185.4.071-081; Mikhailikov V. L. Forms of copyright protection // Scientific statements of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right. 2010. № 2 (73). No. 11. S. 136-140.

[3] Lavrova S.V. On the forms of protection and self-defense of civil rights // Legal science. 2017. № 6. S. 114-118; Feoktistov D.E. On the legal nature of self-defense of civil rights // Law and state: theory and practice. 2022. № 11 (215). S. 156-158; Latypov D.N. System of ways to protect civil rights in the Russian Federation: dis.... Dr. Jurid. Sciences: 5.1.3. Perm, 2022.

[4] Aliyev T. T. On the issue of self-defense and other methods of non-jurisdictional protection of intellectual rights // IP: Theory and practice. 2025. № 3 (11). S. 64-72.

[5] Civil Code of the Russian Federation (part four) dated December 18, 2006 No. 230-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (part I). Art. 5496. Art. 1229, 1250, 1252.

[6] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301. Art. 14; Satarov O. D. Self-defense in civil law: type of civil opportunity and object of protection // Actual problems of Russian law. 2026. VOL. 21. № 4 (185). S. 72-74; Grishin P.A. Self-protection and self-protection of civil rights and legitimate (protected by law) interests: delimitation of protective institutions of domestic law // Legal research. 2018. № 6. S. 35-37.

[7] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301. Art. 182; Grishin P.A. Self-protection and self-protection of civil rights and legitimate (protected by law) interests: delimitation of protective institutions of domestic law // Legal research. 2018. № 6. S. 36; Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of February 27, 2017 No. 309-ES16-21250 in case No. A60-47032/2015.

[8] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301. Art. 53; Politova I.P. Volya and expression of will: monograph. M.: Prospect, 2016. S. 77-91.

[9] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301. Art. 402–403.

[10] Frolova E. E., Berman A. M. Ways of expressing the will of the parties in the context of digital transformation: current trends in law enforcement // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. VOL. 17. № 3. S. 57-83. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.3.57.83; Zainutdinova E.V. Models of legal regulation of a smart contract: general and special // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. № 3. S. 126-147. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.3.126.147..

[11] Svetsky A.V. Autonomy of will in the era of algorithms on the example of smart contracts // Politics and Society. 2026. № 1. S. 80-91. DOI: 10.7256/2454-0684.2026.1.78891..

[12] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301. Art. 309, item 2; Civil Code

of the Russian Federation (part four) dated December 18, 2006 No. 230-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (part I). Art. 5496. Art. 1299.

[13] Vartanov A.S. Copyright protection for the format of online shows // Works on intellectual property. 2024. T. 49. № 2. S. 109-117. DOI: 10.17323/tis.2024.21719; YouTube Help. How Content ID works. URL: https://support.google.com/youtube/answer/2797370?hl=en (accessed August 26, 2026).

[14] Martin S. Artificial Intelligence Tools for Dealing with Copyright Piracy: Technological, Legal and Policy Dimensions. WIPO/ACE/18/35. Geneva, 2026. P. 18, 21–22.

[15] Civil Code of the Russian Federation (part four) dated December 18, 2006 No. 230-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (part I). Art. 5496. Art. 1253.1; Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019 No. 10 "On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation "// Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. № 7. P.77-78.

[16] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 1, 2020 No. 5-KG20-96-K2 in case No. 3-400/2019.

[17] Starkov A.V. Civil protection of press publications when used online by news aggregators: dis.... cand. jurid. Sciences: 5.1.3. Perm, 2024.

[18] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 16, 2026 No. 39-P "In the case of checking the constitutionality of paragraphs 1 and 3 of Article 1253.1 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the Mir Hobby limited liability company." CL. 5.2-5.3; the operative portion of claims 1, 4-5.

[19] Fedorova P. S. Marketplace as an information intermediary: an increased standard of diligence in the light of the Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.06.2026 No. 39-P // Law and Politics. 2026. № 7. S. 181-198. DOI: 10.7256/2454-0706.2026.7.81141..

